

Т.П. Роскошанская,
соискатель

ВЛИЯНИЕ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ НА СТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ НОВОГО ТИПА

Одной из многих причин возникновения культуры нового типа в конце XIX – начале XX в. является секуляризация. К концу XIX в. населению Европы, наконец, было гарантировано неизменное поступательное движение ко все более совершенному состоянию. Большинство образованной публики верило в прогресс и полагало, что пользуется его плодами как ни в одну предшествующую эпоху. Это было время, характеризующееся движением ко все большей однородности культуры, несмотря на наличие разнонаправленных тенденций внутри западной культуры.

В обществе, подвергающемся модернизации, происходит важное духовное изменение, состоящее в расширении сферы действия секулярных принципов социальной регуляции. Это означает ослабление влияния религии на некоторые сферы социальной жизни, постепенную десакрализацию мира и рост влияния рационально-практических и нормативно-правовых принципов. Возникла ситуация, при которой религиозные верования и санкции все более утрачивают свое социальное значение как регуляторы человеческого поведения.

Слово “секуляризация” происходит от латинского “saecularis”. Понятие “секуляризация” с самого начала использовалось для отражения различий между миром историческим, преходящим и вечным, непреходящим миром трансцендентной реальности. Затем под секуляризацией стали понимать передачу некоторых функций из ведения церковных властей в ведение светских.

Понятие “секуляризация” обрело более широкий смысл в связи с начавшимся глобальным процессом эмансипации

культуры. Кокс Харви в своей книге “Мирской град” определяет секуляризацию как “исчезновение неперменной религиозной обусловленности символов, на которых строится культура”.

Господствующей в характеристике культуры XIX в. является все углубляющаяся секуляризация. И хотя западной культуре со времен Возрождения присущи элементы секуляризации, но лишь теперь она приобретает черты завершенности.

Начавшаяся в XVII в. новоевропейская культура при всей переменчивости к концу XIX в. сохраняла устойчивый секулярный характер. Это культура светская, обмирщенная и десакрализованная. Только в ней становится возможным атеизм не просто в качестве чьего-то более или менее устойчивого индивидуального унастроения, а как заявленная и сосуществующая вместе с другими позиция в культуре. Сохраняя связь с религией, со сферой сакрального, она является в своей основе христианской. Но вся необычность ситуации в новоевропейской культуре состоит в том, что она центрирует себя, исходя из себя самой. Новоевропейская культура сохраняет заявленный Ренессансом впрямую и подспудно присущий Реформации антропоцентризм, трансформируется едва ли не в противоположность как ренессансному, так и реформаторскому антропоцентризму.

Религиозность в XVIII в. существовала наряду с секулярной культурой. Человек часто попеременно пребывал в двух различных мирах. В нем уживались представления о бесконечности Вселенной и ее сотворении Богом и безоглядное корыстолюбие и себялюбие в оправдании человеческих страстей. Определяющая тенденция состояла в примирении индивида с внешней и чуждой ему бесконечностью Вселенной. Примирение стало возможным благодаря идее прогресса.

Для новоевропейской культуры идея прогресса сквозная, она образует ее стержень и напрямую связана с секуляризацией (являясь ее обратной стороной).

Новоевропейский человек воспринимает человечество и мир в целом как развивающиеся от низших состояний к высшим, от менее к более совершенным. Мир европейского человека — это результат его возвышения от дикости и природности к сознательности и разумности. Новоевропейский человек соотносит актуализацию человеческих потенций не с человеком-индивидом (с позиций Ренессанса), а с человечеством, не с индивидуальной биографией, а с целой эпохой. Кроме того, идея прогресса возникла как вера в бесконечное совершенствование человечества. Критерием совершенства в промежутке между XVIII и XX веками была способность техники выполнять за человека необходимые действия и операции.

Технические перспективы, открываемые наукой и научными исследованиями, не представляли интерес для свободнорожденного человека. Развитие научной мысли связывалось с исследованием в философском значении, возможностью продемонстрировать его необходимость для философии и философа. Своеобразие ситуации нового времени состоит в том, что наука в это время приобретает высшее достоинство в культуре, сохраняя тесную связь с философией и техникой, опирающуюся на практическую сметку, наблюдательность, искусность.

В XIX в. преобладала точка зрения, согласно которой время философии миновало. Вместе с ним уходило в прошлое отвлеченное от жизни умствование. Ставка XIX в. на науку, скептическое отношение к философии самым тесным образом связаны с завершившейся секуляризацией культуры. К религии XIX в. относятся терпимо, отдавая ей должное как исторически необходимому и закономерному этапу эволюции человечества.

Человек XIX в. как никогда ранее ощутил себя соотнесенным с миром природы, законосообразность которой он принимал как единственную важную возможность воздействовать на нее, превращая в средство удовлетворения своих потребностей. Над ним царит и господствует разум, который, возвышая людей, не противопоставляет их природе, а делает “высшим цветом” природы.

В духовной жизни получают признание ориентация на перемены и отказ от прежних запретов на нововведения. Однако перемены признаются лишь в функционально необходимых сферах. Расширение секуляризации происходит через увеличение практических и рациональных форм деятельности человека, определяющим критерием становятся эффективность и практическая польза.

Макс Вебер, говоря о внутреннем родстве религиозного аскетизма и капиталистического предпринимательства и подчеркивая их очевидную преемственность, отмечал, что психологически она состоит в том, что навыки скрупулезного, тщательного отношения к молитвенным словам и образам переносятся на вещи и деловые обязательства. Рационализация ведет к совпадению индивидуальных мотивов и структуры действия. Слово “рациональность”, по Веберу, — это вытеснение из человеческого действия не способствующих достижению поставленной цели элементов, в первую очередь эмоций. Структура деятельности должна улучшаться за счет отбора самых эффективных и прямых средств исполнения.

Наиболее мощно продвигает рационализацию рыночная экономика в индустриальной фазе. Европейское общество обязано изгнанием первобытных аффектов из сознания и “расколдованием” своего мира, т.е. победой над магией и мифом. Теперь логика для своего распространения пользуется экономикой, а результаты ее охватывают все общество и одного человека.

Техника начинает толковаться как двигатель всех изменений в обществе и человеке, как синоним эффективности и организации.

Любая попытка выразить веру в категориях наиболее характерных течений мысли XIX в., какими церковь считает марксизм, гегельянство или фрейдизм, ею осуждается, ибо это приводит к утрате веры сверхъестественного характера. “Модернизировать” христианство в категориях современной культуры (антропоцентризма, имманентизма, историзма) – значит прийти к отрицанию трансцендентного, сверхъестественного, абсолютного, а также мистического и сверхрационального характера христианства.

Гуманизм нового времени трактуется как гуманизм а тео (без бога). Человек не осознает себя как творение бога, но считает себя создателем и себя самого, и мира. Он создает мир согласно собственным планам и изменяет его своей практикой по своим желаниям. “Грехи современного мира” этим не исчерпываются, ибо мир является замкнутым и “не открыт трансценденции”, духу, вечной жизни. Для него все имманентно: история имеет смысл в самой себе и направлена к метаисторической реальности. Человек стал совершенно мирским, он принадлежит этому миру, этой земле, и в трудных реалиях жизни спасается сам, не ожидая и не надеясь на спасение свыше.

Разочаровавшись в представлениях прежних поколений, связанных с абсолютизацией мировоззрения “своей религии”, современный человек пришел к пониманию относительности любого взгляда на мир, в том числе и своего собственного, что порождает релятивизацию сознания.

Эта точка зрения, свидетельствующая об исторической зрелости современного человека, влечет за собой сложные последствия прежде всего в том, что касается ценностной ориентации. По словам Харви Кокса, “ценности секулярного человека десакрализованы, лишены всякого притязания на безусловную и окончательную значимость. Теперь ценности

– это лишь то, что некоторая социальная группа в определенное время и в определенном месте считает хорошим. Это уже не ценности, а скорее оценки. Секулярный человек сознает, что те символы, через которые он воспринимает мир, и та система ценностей, которой он руководствуется, принимая решения, порождены конкретными историческими событиями и поэтому ограничены и частичны”.

Релятивизация ценностей связана с разрушением традиционных социальных связей. Если говорить об объективной секуляризации, то это, конечно, социополитический процесс, проявляющийся, в частности, через изменения в системе социальной стратификации.

Источник секуляризации не трудно увидеть в динамике промышленного капитализма. Развитое промышленное производство и связанный с ним стиль жизни являются главными детерминирующими факторами секуляризации.

Отношения между государством и религией не могут быть возвращены к уровню, соответствующему доиндустриальному обществу, так как социально-экономическая модернизация неизбежно вызывает к жизни процессы рационализации. По мере расширения капиталистического индустриального комплекса все больший вес в обществе приобретают социальные слои, связанные с рационализацией, и все труднее становится установить над ними традиционный контроль.

Поскольку все эти социальные процессы имели интернациональный характер, то все более проблематичной представлялась возможность изолировать какое-то одно национальное общество от рационализирующих воздействий. Естественно, что такая изоляция повергла бы его в состояние экономической отсталости.

Общий вывод, к которому можно прийти, заключается в следующем: в технически развитых, урбанизированных и индустриализованных обществах социальная значимость

церковных институтов снижается, поскольку возрастает доля населения, совсем не соблюдающего религиозных правил и не участвующего в церковной практике. Таким образом, демонополизация религии представляет собой социоструктурный и социально-психологический процесс. Религия становится “делом индивидуального вкуса”, делом субъективного предпочтения. И потому она воспринимается скорее как феномен, укорененный в сознании индивида, нежели часть объективного, внешнего мира.

Благодаря изменениям в сознании, образе жизни, потребностях людей возникла база для появления нового типа культуры, носящей универсальный характер. Возникновение нового типа культуры стало исторически новым явлением в конце XIX — начале XX в. Только в 1944 г. этому явлению американский ученый Д. Макдональд дал название “массовая культура”. Тесное взаимодействие массовой культуры с реальностью стало возможным благодаря ее высокой динамичности и исключительной способности чутко реагировать на изменения в структуре потребностей людей. Массовая культура в своем обращении к человеку потому и достигает цели, что исходит из учета многообразия форм и структур сознания, понимания важности их гармоничного сочетания. В результате этого она выступает как универсальный способ мышления. Возвращаясь во многом к культуре допросветительской и в то же время органично вплетаясь в динамику, стиль современной жизни, быстро реагируя на их изменения и приспособлявая человека к ним, массовая культура тем самым продолжает общечеловеческие традиции в истории культуры.

Массовая культура, непосредственно воздействуя на эмоции, чувства, настроения людей, основывается на универсальных психических и даже, как отмечает К.Разлогов, “психофизиологических механизмах восприятия, которые активизируются независимо от образования и

степени подготовки аудитории”. Секрет ее популярности кроется в понимании многомерности сознания человека, в котором столь важное место занимают иррациональное, подсознательное, то, что нечувствительно к рациональным аргументам, к доводам просвещенного разума.

Таким образом, для объективного отношения к массовой культуре необходимо признать иную шкалу ценностей, ибо изменение традиционной культуры привело к возникновению нового социокультурного типа, имеющего свой способ существования, собственную систему функционирования и развития, действующего по собственным законам и выполняющего новые функции в развитии общества и человека современной исторической эпохи.

У.І.Рынкевіч,

дацэнт

ГРАВЁРЫ ВІЛЕНСКАЙ МАСТАЦКАЙ ШКОЛЫ

У XIX ст. пачынаецца новы этап у развіцці беларускай графікі. Яго вызначальнай рысай з’яўляецца пераход ад цэхавага, паўсамадзейнага гравёрства да прафесійнага графічнага мастацтва. Вырашальную ролю ў гэтым адыграла адкрыццё у 1805 г. кафедры гравюры на мастацкім аддзяленні Віленскага універсітэта, які ў пачатку XIX ст. набыў ролю галоўнага цэнтра навукі і мастацтва на беларуска-літоўска-польскіх землях. Тут працавалі гравёры, выхадцы з заходнееўрапейскіх краін (І.Вейс, Ю.Саўндэрс, Л.Баянуш, Ф.Лехман), і іх вучні, маладыя выхаванцы Віленскага універсітэта (М.Падалінскі, Б.Кіслінг, В.Смакоўскі, В.Славецкі, Т.Лукашэвіч і інш.)

У канцы XVIII – пачатку XIX ст. з актывізацыяй вытворчай дзейнасці ў сацыяльнай сферы ўзрасло значэнне выдавецкай справы. Ствараючы сваю друкарню, кіраўніцтва